



СВЕТЛАНА
ЛЕВИ

ИГРА
В ОДНИ
ВОРОТА

Светлана Леви
Игра в одни ворота

«Автор»

2026

Леви С.

Игра в одни ворота / С. Леви — «Автор», 2026

Что, если твое будущее решили без тебя? За десять лет до твоего рождения? Эва Соколова привыкла все решать сама. Но что, если главное решение в ее жизни уже принято? Отец, стоящий на пороге смерти, и его бывший друг, десятилетия скрывавшийся за границей, заключают сделку. Предмет договора — ее рука и сердце. А главный козырь — многомиллионная туристическая империя. Вернувшись в Сочи, Эва оказывается в центре чужой игры. Ее жених-красавец, мечтающий прибрать к рукам ее состояние, плетет интриги. Скромный сотрудник, влюбленный в нее без памяти, оказывается не тем, кем кажется. А за всем этим стоит тень могущественного Николаса Баринова, человека, связанного с семьей Эвы темным прошлым. Чтобы спасти дело всей своей жизни и обрести настоящую любовь, Эве придется нарушить все правила и сыграть против тех, кто привык побеждать нечестно.

© Леви С., 2026

© Автор, 2026

Светлана Леви

Игра в одни ворота

Игра в одни ворота

Пролог

6:00. Два мира.

Город еще спал, окутанный сизой предрассветной дымкой, когда ее мир уже был приведен в идеальное движение. Первый звук — не пронзительный крик будильника, а мягкая, нарастающая вибрация умных часов на запястье.

Шесть ровно.

Эва открыла глаза, и в них не было ни капли сонной мути. Взгляд был четким, ясным, готовым к новому дню, новым сделкам, новым победам. Ее утро было отлаженным механизмом. Прохладная вода умывала лицо, щетка с тихим гулом полировала зубы до ослепительной белизны. Даже отражение в зеркале — было частью образа. Образца успеха.

На улице воздух был свеж и прохладен. Ритмичный стук кроссовок по асфальту аллеи парка задавал темп всему дню. Пять километров. Ни больше, ни меньше. В ушах — мотивирующий плейлист, бит которого совпадал с ударами сердца. Возвращалась она уже тогда, когда первые лучи солнца начинали золотить стеклянные крыши бизнес-центров.

Душ. Обжигающий, потом ледяной. И пока кожа парилась под слоем увлажняющей маски с гиалуроновой кислотой, на кухне уже шипел тостер и закипала вода для зеленого чая для нее, сигнал оповестил о свеже сваренном кофе для него.

Она на секунду заглянула в спальню. На белоснежных простынях, сбитых в неистовом порыве, спал Макс. Его идеально прорисованный торс, темные волосы, растрепанные на подушке, — картина, достойная кисти Караваджо. Он был красив. Неприлично, вызывающе красив. И он знал об этом. Так же, как знал, что его главная работа на сегодня — быть на подхвате у Эвы, пока он снова «в поиске себя» и «ждет подходящего оффера». Она мягко тряхнула его за плечо.

— Вставай, спящая красавица. Завтрак на столе. Он что-то пробормотал во сне и потянулся к ней, но она уже ускользнула, ловко увернувшись от сонных объятий. Не время.

В это же самое время на другом конце города, в съемной однушке на пятом этаже хрущевки, мир Артема рухнул. Он проснулся от того, что сосед сверлил стену. Посмотрел на экран смартфона, и сердце его провалилось куда-то в желудок. Черт! Он снова проспал.

Последующие десять минут были хаотичным танцем в тесной ванной. Зубная паста капнула на майку, вода из-под крана брызгала во все стороны. Он, как сапер, обшаривал ворох чистого, но мятого белья, выискивая ту самую, единственную чистую белую рубашку. Нашел. С помятой грудью, но безупречно белую.

Через пятнадцать минут, натягивая на ходу пиджак, он уже выскакивал из подъезда, сумка с ноутбуком болталась на плече. Электросамокат, спасительный конь современного урбана, был тут как тут. Заправившись на бегу американо из ларька у метро, что было скорее ритуалом, чем необходимостью, Артем рванул в сторону сияющего стеклом и сталью центра. Кофе обжигал губы и лился за воротник на каждой кочке, но он уже не обращал внимания. Он опаздывал. На нее.

Офис «Вершины» встречал Эву стерильной прохладой и тихим гулом дорогой техники. Полы из полированного мрамора отражали ее безупречный образ: строгий костюм цвета пыльной розы, каблуки, отбивающие четкий, властный стук.

— Доброе утро, Эва Викторовна. Секретарь Марина, уже стоявшая на посту с планшетом и стопкой бумаг, парила рядом, стараясь попасть в ее ритм.

— Восемь тридцать — совещание по новому бренду «Солярис». В десять — подтвержденная zoom-конференция с лондонскими партнерами. В одиннадцать... Эва шла, одним взглядом пробегая по расписанию на планшете, мысленно уже находясь на совещании. Она кивала, отдавая тихие распоряжения, ее палец указывал на нужные пункты в договоре. Она была здесь богиней, царицей, и каждый ее шаг был частью стратегии.

Лифт с мягким звонком открыл двери прямо напротив ее кабинета. Она уже тянулась к ручке массивной двери из красного дерева с табличкой «Эва Викторовна Соколова, Генеральный директор».

И в этот момент из соседнего лифта, словно снаряд, вылетел он.

Артем. С развевающимися полами пиджака, с диким взглядом и с тем самым кофе, который теперь плескался в пластиковом стаканчике, грозя пролиться. Он не бежал, он неся, пытаясь на ходу надеть вторую руку в рукав пиджака и одновременно запихнуть телефон в карман.

Он не увидел ее. Не увидел ничего, кроме спасительной двери своего отдела, которая была в двух шагах от ее кабинета.

Услышав сзади торопливые шаги, Эва на мгновение обернулась. Этого мгновения хватило.

Артем, пытаясь юркнуть у нее за спиной, не рассчитал траекторию. Его плечо со всей силы пришлось точно в ее лопатку. Раздался тихий, но такой чужеродный в этой тишине звук — шлепок падающего на мрамор тела и звонкий всплеск кофе.

Тишина.

Эва, сбита с ног, лежала на холодном полу, облитая коричневыми брызгами. Ее идеальный костюм, ее утренняя пробежка, ее маска и ее расписание — все было мгновенно перечеркнуто. Над ней, бледный как его собственная, теперь уже безнадежно испорченная рубашка, замер в ужасе Артем. В руке он все еще сжимал пустой стаканчик.

Из-за двери кабинета появилась перепуганная Марина. В наступившей оглушительной тишине Эва медленно подняла на виновника глаза. Глаза, в которых уже не было ни капли утренней ясности. Только лед.

— Вы... — ее голос был тихим, шипящим, как лезвие, выходящее из ножен, — вы..!

Артем замер, чувствуя, как вся кровь отливает от лица и приливает к вискам. Он видел только два ледяных изумруда, пригвоздившие его к месту, и кофейные разводы на дорогой ткани ее пиджака. Его мозг лихорадочно пытался выдать хоть какое-то оправдание, но выдавал лишь внутренний панический вопль.

— Эва Викторовна, я... простите, я не... — он безнадежно потянулся к ней, чтобы помочь подняться, но она отшатнулась от его руки, как от огня.

В этот момент в кармане ее пиджака настойчиво, вибрируя, зазвонил телефон. Звонок был личный, не рабочий. Тот, что знали единицы. Эва, не отводя взгляда от Артема, с яростью выхватила аппарат. На экране светилось незнакомое имя, но с питерским кодом. Секунда на раздумье. Сквозь ярость пробился холодный луч здравого смысла — звонящий мог быть связан с отцом.

— С вами мы поговорим чуть позже, — прошипела она в сторону Артема, чей вид напоминал щенка, попавшего под колесо. Она приняла вызов, все еще сидя на холодном мраморе, отдавая приказ тоном, который не терпит возражений. — Алло?

Голос в трубке был таким же отполированным и холодным, как пол beneath her.

— Эва Викторовна Соколова? Говорит нотариус Павел Сергеевич Штольц. Мне поручено известить вас, что вы должны прибыть в Санкт-Петербург для подписания ряда документов, касающихся активов вашего отца, Виктора Леонидовича Соколова. Вопрос не терпит отлагательств.

Эва медленно поднялась на ноги, игнорируя протянутую руку перепуганной Марины. Ее взгляд все еще был прикован к Артему, но мысли уже унеслись за тысячу километров отсюда, в сердце империи ее отца.

— Каких именно документов? И почему срочно? — ее голос стал ровным, деловым, лишь легкая хрипота выдавала пережитый стресс.

— Детали будут обсуждаться при личной встрече. Рейс завтра в 08:45, билеты оформлены и находятся на вашей электронной почте. Вас встретят в Пулково. Будьте добры, подтвердите получение информации.

Связь прервалась. Эва опустила телефон. Картина происшедшего сложилась в ее голове в новую, тревожную мозаику. Отец никогда не действовал так прямолинейно и через третьих лиц. Значит, что-то случилось. Что-то серьезное.

Она снова посмотрела на Артема, на его испачканную кофе рубашку, на лицо, выражавшее готовность к немедленному увольнению. Но теперь ее гнев сменился холодной расчетли-

востью. Ей нужно было ехать. А здесь, в сочинском офисе «Вершины», все должно было работать как часы. Даже нерадивые сотрудники.

— Марина, — Эва повернулась к секретарше, снимая испорченный пиджак. — Отменить утреннее совещание, перенести лондонскую конференцию. Соберите мне на почту все текущие данные по нашим ключевым проектам. Я улетаю в Питер. На неопределенный срок.

Потом ее взгляд упал на Артема. — А вы... — она сделала небольшую паузу, наслаждаясь его неммым ужасом. — Думаете легко отделались? Нет! Пока меня не будет, подготовьте полный брифинг по нашим пиар-активностям за последний квартал и через три дня, вы меня слышите? Отчет должен быть у меня на почте. Чтобы я видела, что ваше присутствие здесь хоть как-то оправдано.

Не дав ему возможности ответить, она развернулась и твердым шагом направилась в свой кабинет, оставив за собой аромат дорогих духов и горького кофе, смешанный с запахом катастрофы. Дверь закрылась беззвучно, но с окончательностью приговора.

Артем остался стоять посреди холла, ощущая себя идиотом и понимая, что его проблемы только начались. А где-то там, в Северной столице, в кабинете с видом на Неву, стареющий король туристической империи «Соколов Тревел» готовил для своей дочери-преемницы не просто контракт, а испытание, которое перевернет всю ее жизнь.

Глава 1. Обещание

Санкт-Петербург встречал утро ноябрьской изморозью. Свинцовые воды Невы лениво несли к Финскому заливу осколки небосвода, а золотой шпиль Петропавловки тонул в низкой, мшистой облачности. Из окна своего кабинета на набережные Мойки Виктор Леонидович Соколов видел не просто город. Он видел хронику собственной жизни.

Вот там, на стрелке Васильевского, он тридцать лет назад сделал предложение своей Кате. Белая ночь, разведенные мосты и ее глаза, сиявшие ярче незаходящего солнца. А вон в том дворе-колодце на Гороховой они снимали свою первую контору — два стола, три телефона и безумная мечта строить миры для влюбленных.

«Соколов Тревел».

Он создавал его для нее, чтобы дарить ей весь мир. А она, в ответ, подарила ему всю свою жизнь и свою дочь.

Теперь он смотрел на этот город, и каждый кирпич, каждый мост напоминал ему о прошедших годах. О счастье, которое было таким острым и настоящим, что сейчас от одних воспоминаний щемило в висках. Он был уставшим. Не от дел — бизнес был отлаженной машиной. Он был уставшим от тишины в огромной квартире на Английском проспекте, от лет, которые неумолимо текли сквозь пальцы, от тяжести обещаний, которые становились все тяжелее.

С тяжелым вздохом он отошел от окна и взял в руки массивную серебряную рамку. На выцветшей фотографии они все трое: он, молодой и с без башенной улыбкой, Катя, прижавшаяся к его плечу, а на его руках — маленькая Эвочка, лет трех, с двумя косичками и серьезным, совсем не детским взглядом. Та же твердость, что и сейчас. Его девочка. Его наследница.

Его палец медленно провел по стеклу, по контуру лица жены. Екатерина. Яркая, страстная, непредсказуемая. Та, что могла сорваться посреди ночи и поехать встречать рассвет на крышу Исаакия. Та, что заводила друзей на каждом углу и чей смех был слышен даже в самом шумном зале. Его Катя.

Их Катя.

Глоток старого коньяка стоял комом в горле, хотя в бокале сегодня было только лекарство от давления. Сердце сжалось знакомой, изматывающей болью — не столько физической, сколько душевной. Болью утраты и... предательства.

Он помнил тот день с фотографической четкостью. Осенний ливень. Звонок из больницы. Тихий голос врача. И потом — долгие, мучительные месяцы расследования. Официальная версия — несчастный случай. Скользкая дорога, мокрый асфальт, не справились с управлением. Но были и другие версии. Шепоты. Анонимные намеки. И главное — его собственная, грызущая изнутри уверенность, что это не было случайностью.

И над всем этим — тень Николаса Баринова. Его лучшего друга. Его партнера. Человека, который был в их доме своим, который пил с ним коньяк на этом самом диване, который души не чаял в маленькой Эве. Николай, который смотрел на Катю таким взглядом, что у Виктора хоть раз, да заходилась холодком сердце. Николай, который был за рулем машины в ту роковую ночь. Он уцелел. Отделался парой царапин.

С тех пор их дружба стала формальностью, бизнес — полем битвы без открытых сражений. А в груди Виктора Леонидовича поселилась эта ноющая, скребущая боль. И тихая, жесткая догадка, в которую он не позволял себе верить до конца.

Он поставил рамку на место и, зажмурившись, принял таблетку, запивая ее вчерашней водой из графина. Обещание. Он дал его Кате у ее постели, когда она, уже бледная, почти прозрачная, сжимала его руку и шептала: «Люби ее. Оберегай ее. Никому не доверяй, Витя. Никому...»

Он не сберег жену. Но дочь... Дочь он сбережет. Что бы это ни стоило.

Он глубоко вздохнул, выпрямил плечи и нажал кнопку селектора на столе.

— Аллочка, зайдите, пожалуйста.

Дверь открылась почти мгновенно. В кабинет вошла немолодая, но подтянутая женщина с аккуратной строгой прической и умными, все понимающими глазами. Алла Васильевна работала с ним двадцать лет и была, пожалуй, единственным человеком, которому он доверял безоголочно.

— Виктор Леонидович, я вас слушаю.

— Эва летит завтра утром, — сказал он, глядя в окно на медленно проступающий сквозь дождь шпиль. — Подготовьте квартиру на Чайковского. Чтобы там было тепло, уютно, все продукты, свежие цветы. Ее любимые... белые розы.

— Хорошо, Виктор Леонидович.

— И зарезервируйте столик на завтра на вечер в «Астории». Лучший у окна. И... — он запнулся, впервые за день его голос дрогнул, — закажите торт «Прага» из Северянина. Она его обожала в детстве.

Алла Васильевна мягко кивнула, понимая, что за сухими поручениями скрывается целая буря отцовских чувств — тревоги, любви и той самой щемящей тоски, которую он так тщательно прятал ото всех.

— Все будет сделано. Не волнуйтесь. — и тихо добавила. — Вы думаете, она согласится?

— Это обеспечит ее будущее, — его голос прозвучал глухо, будто из другого помещения. Он сам в это верил? Или просто отчаянно надеялся.

Когда дверь за ней закрылась, Виктор Леонидович снова взял в руки фотографию. Молодая Катя смеялась, глядя на него с пожелтевшей бумаги. Он провел пальцем по ее лицу.

— Прости, Катя, — прошептал он. — Пришло время платить по счетам. Надеюсь, что наша дочь будет умнее нас.

Он долго сидел в тишине, слушая, как за окном воеет питерский ветер и шуршат шины машин по мокрому асфальту. Перед ним проносились образы маленькой Эвы. Не той собранной, железной леди, которой она стала, а той — озорной, любопытной девчонки с вечно разбитыми коленками и пытливым взглядом. Он вспомнил, как она, пятилетняя, залезла в его кожаный портфель и «подписала» все документы ярко-розовой помадой матери. Как в десять лет она заявила, что их туры скучные, и нарисовала свой — «Путешествие для пиратов», с поиском клада на пляже и картой из воска. Как в шестнадцать, после той страшной потери, она не плакала, а сжала кулаки и сказала: «Пап, мы должны быть сильными. Мама бы этого хотела». Она всегда была умнее своих лет. И сильнее.

И теперь он, ее отец, тот, кто должен был оберегать ее от всех мировых бурь, сам толкал ее в самое сердце бури. Бури, которую они с Николаем посеяли много лет назад.

Рука сама потянулась к телефону. Палец набрал номер, выученный наизусть за долгие годы дружбы, ставшей теперь ядовитой необходимостью. Трубку подняли почти мгновенно. Голос Барина был спокойным, бархатистым, как всегда. В нем не было ни тени волнения. Это бесило Виктора Леонидовича больше всего.

— Ну что, она приедет? — осведомился тот, будто речь шла о пустяковой деловой встрече, а не о судьбе его единственной дочери.

— Завтра утром, — отчеканил Виктор, сжимая трубку так, что кости белели. — Все будет как мы договорились.

— Отлично. Не сомневаюсь, что Эва проявит благоразумие. Она твоя дочь. Умная девочка.

«Моя дочь», — пронеслось в голове Виктора Леонидовича с ослепительной ясностью. Его кровь. Его продолжение. И он сейчас торгует ее будущим с человеком, в котором больше не уверен.

— Николас... — имя застряло в городе комом. Он хотел сказать «поступай с ней по-честному», но понял, насколько это звучало бы глупо и наивно. Они с Николаем давно перешли грань, где честность имела значение. Остались только долги и интересы.

— Да, Витя? — Ничего, — выдохнул он. — До завтра.

Он бросил трубку, не дожидаясь ответа. Сердце снова заняло тупой, знакомой болью. Он не знал, что страшнее: то, что задумал Баринов, или то, что задумал он сам. Этот договор, эта сделка... Она навсегда изменит все. Их бизнес. Их прошлое. И его отношения с дочерью.

Он смотрел в окно на темнеющий город, на огни, отражавшиеся в мрачных водах Мойки, и чувствовал себя не могущественным владельцем империи, а старым, уставшим человеком, который сделал ставку на самое дорогое, что у него было, и теперь отчаянно боялся проиграть.

Глава 2. Игра в чувства

Ее кабинет был не просто рабочим пространством; это была цитадель. Просторное помещение с панорамным остеклением, открывавшим вид на бесконечную стройку небоскребов и ленту магистрали. Интерьер выдержан в стиле хай-тек: матовый черный металл, полированный бетон пола, встроенная подсветка, меняющая цвет в зависимости от времени суток. Ничего лишнего. Ни одной безделушки, кроме единственного арт-объекта на стене — большого абстрактного полотна в холодных серебристо-синих тонах, напоминавшего то ли замерзшее озеро, то ли схему микрочипа. Гигантский интерактивный экран вместо классического письменного стола был чист, на его поверхности застыли лишь три иконки. Здесь все дышало холодной, технологичной эффективностью. Это был нервный центр ее маленькой империи within империи отца.

Она сбросила испорченный костюм. Мысли путались, пытаясь анализировать звонок нотариуса. Что могло заставить отца, педанта и стратега, выдернуть ее из Сочи в самый разгар сезона свадеб и романтических путешествий? Здоровье? Нет, на последнем звонке он шутил и интересовался делами. Юридические проблемы? Их огромный, отлаженный механизм «Соколов Тревел» работал безупречно. Ее мозг, привыкший просчитывать риски, не находил логичного ответа, и это бесило.

В дверь постучали. Вошла Марина, неся в руках большую картонную коробку от брендового бутика и небольшую, но изящную корзину с белыми орхидеями.

— Новые туфли, как вы и просили. Та же модель, — она поставила коробку на край стола-экрана. — И это от Максима. И эклеры из той кондитерской, что вы любите.

Эва взяла корзину. Дорого. Стильно. Бездушно. Открытка с размашистым почерком: «Кошке на погребок. Целую. Твой Макс». Она сухо усмехнулась. Он всегда находил такие слова, которые должны были звучать мило, но лишь подчеркивали дистанцию. Он видел в ней красивую, своенравную хищницу, которую нужно вовремя кормить и гладить по шерстке.

«Снова цветы, — пронеслось в голове Марины, пока она расставляла папки на столе. — Красиво, конечно. Но словно по шаблону. Он даже не поинтересовался, что случилось, просто откупился. Неужели она не видит? Или не хочет видеть? Ей же нужен кто-то сильный, равный... а он... просто украшение».

Эва отложила корзину. Она видела. Но Макс был безопасен. Он не претендовал на ее внутренний мир, не пытался лезть в душу. Он был предсказуемым, красивым громоотводом для эмоций, которые ей было некогда переживать. Вся ее энергия была сейчас вложена в новый, дерзкий проект — постройку собственного отеля для новобрачных в Эмиратах, на одном из новых прилегающих островов. Не просто блоки номеров, а целый тематический комплекс в виде крепости с частными виллами, собственным пляжем и концепцией полного погружения в романтику. Она вынашивала этот проект тайно от отца, лично вела переговоры с инвесторами и архитекторами. Хотела представить ему уже готовый бизнес-план, доказать, что может не только управлять, но и создавать. Теперь эта поездка в Питер грозила сорвать все сроки.

Она уже собиралась вызвать на экран финансовые модели отеля, чтобы отогнать тревогу, как из-за двери донесся непривычный шум — взволнованные приглушенные голоса и сдавленные всхлипы. Эва нахмурилась. Нарушение ее рабочей тишины было nonsensом.

Резко встав, она вышла в коридор. На диване сидели пожилые супруги. Мужчина, лет семидесяти, в тщательно отглаженном, но до блеска заношенном костюме, сжимал в натруженных, узловатых от многолетней работы руках свою кепку. Женщина рядом, с добрым, усталым лицом, испещренным морщинами-лучиками, вытирала уголком платочка навернувшиеся слезы. Рядом с ними стояла молоденькая, миловидная девушка в простом платьице, она что-то тревожно и успокаивающе говорила им.

Марина металась рядом, пытаясь что-то объяснить, но при виде Эвы замерла.
— Эва Викторовна, простите, они без записи, я говорю.

Эва оценивающе взглянула на троицу. Это не были ее клиенты. Но в глазах стариков была такая искренняя, щемящая тревога и надежда, что она машинально кивнула Марине: «Все в порядке».

— Прошу в мой кабинет, — сказала она, и ее голос неожиданно смягчился.

В кабинете они уселись на краешки кресел, робко оглядывая футуристичный интерьер. Девушка, представившаяся внучкой этой необычной пары и заговорила первая:

— Это бабушка с дедушкой, Нина и Иван Первушины. У них через неделю золотая свадьба, пятьдесят лет. Они хотят... они мечтают съездить в город Вичужу, в Ивановской области. У нас есть деньги.

Эва удивленно подняла бровь. Вичуга? Глухая российская провинция, а не Мальдивы или Венеция.

— Там... там они познакомились, — продолжила внучка, и голос ее задрожал от волнения. — На ткацком комбинате в 73-м. Им было по семнадцать. Бабушка была помощницей мастера, а дедушка — наладчиком станков. Он каждый день проходил мимо ее цеха и подкладывал ей в талонник на обед записки. Стихи собственного сочинения. Однажды он так переволновался, что перепутал талонники и сунул стихи суровому бригадиру-фрезеровщику дяде Коле!

Нина Первушина тихо засмеялась, глядя на мужа, и положила свою старческую руку на его жилистую кисть:

— Дядя Коля потом на собрании цитировал: «Твои глаза, как два станка...» — прошептала она, и Иван смущенно заерзал, но глаза его сияли.

— Потом он пригласил ее на танцы, — подхватила внучка. — И на первую зарплату купил ей не конфеты, а новую отвертку для ее станка, потому что видел, что ее старая вся истерлась. Они всю жизнь проработали на том комбинате, прожили в одной «хрущевке», вырастили троих детей. А теперь комбината того нет, и города почти нет, молодые уезжают... но они хотят... просто постоять у тех ворот, пройти по тем улицам. Вспомнить, какими они были. Для них это — целый мир.

Эва слушала, и комок подкатил к горлу. Она смотрела на их переплетенные руки, на его большую ладонь, навсегда покрытую старческими пятнами и следами от порезов металлом, нежно прикрывающую ее маленькую, исхудавшую руку. В их истории была правда и глубина, которых не купишь ни за какие деньги. Та самая, что делает два человека не просто парой, а одной душой в двух телах.

И она поймала себя на острой, болезненной мысли: у нее с Максом никогда не будет этого. Ни золотой свадьбы, ни этих взглядов, сплетенных из тысяч прожитых вместе дней, ни памяти, которая сильнее времени и разрухи. Не будет истории про смешную записку или про отвертку вместо конфет. У них будут дорогие подарки, страстные ночи, удобное соседство и вечное чувство, что чего-то настоящего, чего-то такого, как у этих стариков, — нет и никогда не будет.

— Мы подготовим для вас все варианты, — сказала Эва, и ее голос прозвучал чуть хрипло. Она откашлялась, беря себя в руки. — Марина, помогите оформить все документы. Лично проконтролирую. Для вас — специальные условия. Считайте это нашим свадебным подарком.

Когда они ушли, счастливые и обласканные, Эва еще долго сидела в тишине. Она смотрела на свой безупречный, стерильный кабинет, на эклеры от Макса, на проект арабского отеля на экране. И все это вдруг показалось ей хрупким картонным домиком, красивой, но пустой игрой. Питер, отец, загадочный контракт, эта пара... Все смешалось. Она летела на север не только по воле отца. Она летела прочь от чего-то ненастоящего в своей жизни. Навстречу какой-то правде. И интуиция подсказывала, что эта правда будет болезненной.

Глава 3. Игра на опережение

Район «Бриллиантовая бухта» в Сочи был новым, пафосным и бездушным. Стеклопанельные высотки, как стремящиеся в небо лезвия, отражали солнце и друг друга. Квартира на одном из верхних этажей была обставлена с претензией на роскошь, которая граничила с китчем: много золота, глянца, кричащих дорогих безделушек, купленных скорее по принципу «чем дороже, тем лучше», а не из чувства вкуса.

Здесь жила Ольга Николаевна Левицкая, мать Максима. Вдова крупного чиновника, скончавшегося от внезапного инфаркта пять лет назад, она успешно проматывала оставленные им средства, живя в свое удовольствие и лелея одну большую амбицию — вернуть себе образ жизни, к которому она привыкла, и приумножить богатство. Любой ценой. Ее муж оставил ей неплохие сбережения и связи, но не состояние уровня Соколовых. Это ее бесило. Она чувствовала себя королевой, временно оказавшейся в изгнании, и была полна решимости вернуть трон через своего красивого, податливого сына.

Ее история была проста и цинична: провинциалка, выбившаяся в люди благодаря эффектной внешности и железной воле, она вышла замуж по расчету и никогда этого не скрывала. Смерть мужа стала для нее не трагедией, а досадной помехой, прервавшей беззаботную жизнь. Теперь все ее надежды были на Макса.

— Цветы отправил? — спросила она, не отрываясь от созерцания своих идеальных ногтей, покрытых гель-лаком цвета кровавого рубина. Она полулежала на белом канапе, словно паучиха в центре своей паутины.

Максим, рассеянно листавший ленту соцсетей, кивнул. — Отправил. Орхидеи. И эклеры.

— Молодец. Балуй ее. Но не заигрывайся. Она не та женщина, которую можно купить подарками. Ей нужны... перспективы. Иллюзия настоящих чувств. Ты должен быть идеальным: красивым, внимательным, немножко загадочным, но таким, чтобы ей хотелось эту загадку разгадать. И главное — быть всегда рядом. Чтобы она привыкла, как к дорогому аксессуару, который не хочется терять.

Ольга встала и прошла по ковру с высоким ворсом.

— Я звонила сегодня Алле, секретарше ее отца. Старый крокодил вызывает Эву в Питер. Что-то серьезное, связанное с наследством. Возможно, ее готовят к тому, чтобы передать бразды правления. Весь пакет акций.

Она остановилась напротив сына, смотря на него властным взглядом. — Это наш шанс, Максимка. Ты должен быть рядом. Поддержать, посочувствовать, показать, что ты ее тыл. А потом... потом, когда она получит все в свои руки, ты примеришь роль любящего мужа и вице-президента. А я буду мудрой свекровью, которая помогает советами. Мы будем доить эту корову до последней капли. У них там империя!

Максим поморщился.

— Мам, хватит. Она не дура. И я не мальчик на побегушках.

— Она одинокая workaholic с комплексом отличницы, которая в глубине души мечтает, чтобы о ней позаботились! — отрезала Ольга. — А ты — идеальный кандидат. Ты именно тот, кто ей нужен: без особых амбиций, чтобы не пугать, красивый, чтобы ходить под руку, и достаточно умный, чтобы играть по ее правилам. Не спускай все сейчас. Слышишь меня?

— Слышу, — буркнул он, отводя взгляд.

— Езжай к ней. Сиди там, в ее дурацком офисе, изображай поддержку. Звони ей каждые два часа. Создавай присутствие.

Максим что-то пробормотал в ответ, поцеловал мать в щеку и вышел.

Но он не поехал к Эве. Ему нужно было сбросить напряжение, эту давящую материнскую опеку, этот груз чужих ожиданий. Он сел в свою спортивную машину, подаренную матерью на последний день рождения, и рванул в сторону Адлера, в скромный спальный район.

Через двадцать минут он уже поднимался в пятиэтажку без лифта. Дверь открыла она. Лола. Лариса для паспорта и скучных официальных бумаг. Яркая, пышущая здоровьем и страстью фитнес-инструктор в обтягивающих леггинсах и спортивном топике. Ее рыжие волосы были собраны в беспорядочный пучок, на лице блестели капельки пота после домашней тренировки.

— Максик! — она радостно вскрикнула и потянула его за руку в квартиру, пахнущую ароматическими свечами и фруктовым коктейлем.

Квартира была полной противоположностью жилищу его матери: маленькая, немного захламленная, но уютная. Разбросанные гантели, коврик для йоги, плакаты с мотивационными надписями.

— Я так соскучилась! — Лола обвила его шею руками. — Что-то ты загруженный. Опять мамочка наставляет на путь истинный?

Он погрузился в ее объятия, как в теплые, бурные воды, где можно было утонуть и забыть обо всем: о давящих планах матери, о холодной, расчетливой Эве, о своем собственном бесцельном существовании. Здесь, в этом маленьком, пропахшем ее духами и потом мире, он был не пешкой, а королем. Пусть и в чужой, придуманной для него сказке.

Его поцелуй был не нежным, а жадным, требовательным, полным того самого напора, которого так не хватало ему в жизни. Лола ответила с готовностью, с легким победным вздохом. Ее пальцы вцепились в его волосы, властно притягивая его ближе. Она вела себя уверенно, почти агрессивно — она знала, что ему это нравилось, что это выбивало его из колеи и заставляло забыть.

Они не пошли в спальню. Остались на диване, с которого на пол с грохотом свалилась пара гантелей. Их одежда оказывалась на полу в беспорядке — его дорогая рубашка, ее спортивный топ. Он с наслаждением провел ладонью по ее упругому, влажному от пота телу, чувствуя под пальцами каждую напряженную мышцу. Она была полной противоположностью ухоженной, почти стерильной Эве — земной, страстной, пахнущей дешевым парфюмом и дорогой ему свободой.

— Максик, я твоя... — шептала она ему на ухо, впиваясь ногтями в его спину, оставляя красные полосы. — Только твоя. Забудь обо всех.

И он забывал. Сознание сужалось до предела этого дивана, до жара ее кожи, до хриплого дыхания в ухо. Он закрывал глаза, и в голове проносились обрывки: ледяной взгляд Эвы, надменное лицо матери... Он старался заглушить их, двигаясь все быстрее и грубее, ища в Лоле не любовь, а забвение, возможность доказать самому себе, что он еще что-то может, на что-то способен, хоть здесь, в этой постели.

Лола принимала все с театральными стонами, закинув голову. Ее полуприкрытые глаза блестели не только от страсти, но и от торжества. Она чувствовала его слабость, его зависимость от этих моментов, и играла на этом, как на струнах. Каждая ее ласка, каждый укус был вложением в ее будущее, в ту самую виллу у моря, которую он так глупо пообещал.

Когда все закончилось, они лежали, тяжело дыша, в полной тишине, нарушаемой только тиканьем часов в соседней комнате. Максим смотрел в потолок, чувствуя, как реальность медленно и неумолимо возвращается, принося с собой знакомую тяжесть. Он потянулся за телефоном — ни одного сообщения от Эвы. Мать прислала два: «Ты у нее?» и «Не облажайся».

Лола прильнула к его плечу, рисуя пальцем узоры на его груди.

— О чем думаешь, мой успешный девелопер? — спросила она с игривой ухмылкой.
— Ни о чем, — буркнул он, откладывая телефон. — Все отлично.

Но внутри все было не отлично. Была пустота, которую не могли заполнить ни страсть, ни чужие ожидания, ни красивая ложь. Он обнял Лолу, притворяясь, что это именно то, чего он хотел, и закрыл глаза, снова пытаясь убежать. Но на этот раз бегство не удавалось.

Максим мрачно хмыкнул, опускаясь на диван.

— Не слушай ты ее, — Лола точно определила ход его мыслей, устроилась у него на коленях, играя воротником его рубашки. — Ты сам все решаешь. Ты же взрослый, успешный мужчина. Кстати, как там твой проект с этим самым, ну, с тем самым бизнес-центром? Подписали контракт?

Максим замер на секунду. Он создал для Лолы легенду о том, что он начинающий, но перспективный бизнесмен, который вот-вот заключит крупную сделку. Ей нравились амбиции, она видела в нем потенциального добытчика.

— В процессе, — уклончиво ответил он. — Юристы все проверяют.

— Ну конечно, — она доверчиво прижалась к нему. — Я знала, что ты всего добьешься. Скоро мы уедем отсюда, купим себе виллу у моря, да? Ты же обещал.

Она смотрела на него с обожанием, и ему нравилось это чувство. Быть для кого-то героем, а не марионеткой. Здесь, в этой маленькой квартирке, он мог быть самим собой — ленивым, безответственным, но любимым. Он не видел хищного блеска в глазах Лолы, который так хорошо научился видеть в глазах матери. Он видел лишь отражение собственной, удобной лжи.

— Конечно, обещал, — прошептал он, целуя ее, и на мгновение сам поверил в эту сказку, забыв и о властной матери, и о холодной, недосыгаемой Эве, и о том, что его главный проект на сегодня — вовремя поднести сумку и сделать вид, что он переживает за чужое наследство.

Но внутри все было далеко не отлично. За внешним лоском и показной безопасностью Максима скрывалась удивительная глупость, приправленная взрывным, капризным характером избалованного ребенка. Он привык, что мир вращается вокруг него, и любое препятствие на пути мгновенно вызывало в нем приступ черной, беспомощной ярости.

Он злился на мать. Злился до зубного скрежета. После смерти отца осталось не только состояние, но и небольшой, но стабильный бизнес — сеть элитных химчисток и ателье по пошиву одежды «Белая перчатка». Отец выстроил его с нуля, вкладывая душу. Для Ольги это было скучным наследством, и она с радостью уступила бразды правления сыну, решив, что он, такой красивый и обаятельный, легко сможет его приумножить.

Максим Левицкий возомнил себя гением предпринимательства. Он закупил суперсовременное оборудование, которое никто не умел обслуживать, нанял штат стилистов и дизайнеров, чтобы превратить ателье в «модные дома», и взвинтил цены до небес, аргументируя это «эксклюзивным сервисом». При этом качество работы упало катастрофически: дорогие костюмы возвращались с дырками от химии, платья сидели криво. Клиенты, годами хранившие верность «Белой перчатке», разбежались. Максим же, вместо того чтобы признать ошибки, впадал в истерику, винил во всем «недалеких сантехников» и «зазнавшихся клиентов», тратя последние деньги на пиар-акции и дорогие презентации вместо того, чтобы наладить работу.

Через полтора года от бизнеса остались лишь долги, заложенное оборудование и испорченная репутация. Ольге пришлось продать часть активов и замять несколько скандалов, чтобы сына не подали в суг. Это окончательно убедило Максима в двух вещах: что бизнес — это скучно и для лузеров, и что мать транжирит его наследство, не давая ему развернуться.

Он резко встал, снова ощущая прилив знакомой злобы.

— Мне надо в душ. И ехать, — бросил он Лоле, которая смотрела на него с наигранным обожанием, но уже с легкой тенью беспокойства в глазах.

Он стоял под горячим душем, пытаясь смыть с себя запах дешевого парфюма и чувство собственной несостоятельности. Вода стекала по его идеальному телу, но не могла смыть ощущение, что он вечно играет чужую роль.

Выходя из ванной комнаты, он грубо спросил, не оборачиваясь:

— Лола, где моя рубашка? Та, синяя, из той пачки?

— В шкафу, на верхней полке, — донесся ее голос с кухни, где она уже что-то гремела посудой. — Я все твоё погладила и разложила.

Максим молча открыл дверцу забитого одеждой шкафа. Действительно, на полке аккуратно лежали стопки его вещей. Лола, в порыве демонстративной заботы о своем «успешном девелопере», старалась содержать его немногочисленные вещи, которые он держал у нее, в идеальном порядке. Это было частью ее игры, ее инвестицией. Он схватил первую попавшуюся рубашку — темно-синюю, с тонкими белыми полосками, — и стал натягивать ее, еще не просохший после душа. Ткань была тщательно отутюжена, пахла дешевым, но резким отпаривателем. Качество ткани оставляло желать лучшего — еще одно напоминание о том, что его собственный «бизнес» прогорел, и теперь он зависел от щедрот матери и случайных заработков.

Вызвав такси до офиса Эвы, он натянул пиджак, пытаясь придать себе вид делового человека. В машине он набрал номер Эвы, натянуто-ласковым тоном поинтересовался:

— Солнышко, как ты? Отошла от утреннего кошмара? — он сделал паузу, изображая участие. — Слушай, давай вырвемся куда-нибудь? Отвлечемся. Знаю один потрясающий японский ресторанчик на берегу. Суши, sake... только мы. И это ненадолго. Ты успеешь отдохнуть и собраться, я провожу тебя.

На другом конце провода повисла короткая пауза. Он услышал привычный деловой гул ее офиса и ее ровный, спокойный голос:

— Максим, у меня поздние переговоры с арабами. По тому самому проекту. Они только к восьми вечера по нашему времени свободны.

Его лицо исказила гримаса раздражения. Опять ее дурацкий проект, о котором он знал лишь по обрывкам разговоров. Опять работа.

— Но я освобожусь к девяти, — неожиданно добавила она, и в ее голосе прозвучала легкая усталость. — Если предложение еще в силе.

Он тут же воспрял духом, снова почувствовав себя победителем.

— Конечно, в силе! Я забронирую столик. В девять. Жду, родная. Адрес скину смс.

Он бросил трубку и удовлетворенно улыбнулся своему отражению в стекле телефона. Все шло по плану. Ее усталость — его козырь. Немного вина, немного внимания, и она смягчится. А там, глядишь, и до разговора о Питере и ее будущем дойдет.

Мысль о ее «проекте в Эмиратах» засела в нем как заноза. Он слышал обрывки разговоров по телефону, видел на ее столе эскизы с футуристичными силуэтами зданий на фоне песка и моря, но каждый раз, когда он пытался ненавязчиво поинтересоваться, Эва отделивалась общими фразами: «мелкий инвестиционный проект», «рабочие моменты», «скучные детали, тебе не понравится».

Это бесило его до глубины души. Почему она не делится? Он же ее мужчина! Он мог бы дать совет, блеснуть какой-нибудь идеей... Правда, последняя его бизнес-идея с сетью химчисток «Белая перчатка» провалилась с оглушительным треском, но он предпочитал об этом не вспоминать. В своем воображении он был гениальным стратегом, чьи способности недооценили.

Его мозг, не обремененный глубоким анализом, тут же нарисовал привычную, удобную для его самолюбия картину: она его не уважает. Сторожит свои планы, как дракон сокровища, потому что считает его недостойным. Может, даже боится, что он окажется умнее и перехватит инициативу? Эта мысль, абсолютно бредовая, тем не менее, заставила его внутренне напрячься и почувствовать укол обиды.

«Держится от меня на расстоянии, — думал он, злобно глядя из окна машины на мелькающие огни. — Как будто я какой-то приبلудный кот, которого пустили погреться, но к миске с дорогим кормом не подпускают. А там, гляди, миллионы крутятся, целый курорт в Дубае строит! И все в тайне ото всех. Особенно от меня. Ну ничего, ничего... Сегодня все выведаю».

Он уже придумал план. За ужином он будет особенно внимателен и обаятелен. Напоит ее хорошим саке. Стоп! Эва не пьет крепкие напитки. Вот он дурак, не уточнил, есть ли там шампанское. Ну это ж приличный ресторан, не забегаловка. Значит, шампанское точно есть.

Максим мечтал дальше, как создаст атмосферу расслабленности и доверия. И потом, невзначай, как бы между делом, спросит: «Слушай, а что там с этими арабами? Я сегодня одного встречал, так он вроде бы в Эмиратах сейчас не последний человек. Может, у него есть полезные связи для тебя?». Он представил, как ее глаза раскроются от удивления: вот оно, оказывается, ее Максим не так прост, а он уж постарается, сети нараскидывает! Как же он ждал этого момента — момента, когда она признает его деловую хватку и наконец-то пустит в свой священный мир больших денег и серьезных проектов.

Машина свернуло к сияющему стеклянному фасаду офиса «Вершины». Максим вышел и, поправив воротник рубашки, которую так старательно выгладила Лола, направился ко входу с видом полноправного хозяина жизни. Зайдя на крыльцо бизнес-центра, Максим с раздражением отметил, что парадный вход уже был закрыт. Пришлось идти через ночную вахту. Дежурный охранник, немолодой мужчина в потертой форме, поднял на него усталые глаза.

— К кому? После восьми — только по пропускам.

— К Соколовой, на седьмой, — буркнул Максим, не останавливаясь и делая вид, что ищет пропуск в кармане.

— Фамилия? Я позвоню, — охранник потянулся к трубке внутреннего телефона.

— Максим Левицкий! Не надо звонить, я ее муж, — он попытался пройти дальше, но охранник с упрямством, выработанным за годы ночных смен, вышел из-за стойки.

— Правила такие, молодой человек. Позвоню, подтвердит — пройдете.

Максим сдержал грубость, которая так и просилась на язык. Эва могла не ответить, если узнает его номер, а говорить с охранником ей было точно недосуг.

— Ладно, ладно, — он с силой сунул руку в карман и с наигранным облегчением вытащил карту. — Вот же, черт, нашел!

Охранник скептически посмотрел на пропуск, но, увидев фамилию и фото, кивнул и махнул рукой в сторону турникета. Максим прошел, едва сдерживая злость.

Лифт плавно понес его на седьмой этаж. Зеркальные стены кабины отражали его напряженное лицо. Он поправил волосы, сделал глубокий вдох, пытаясь вернуть себе уверенность. Этаж встретил его гробовой тишиной. Приглушенный свет ночной подсветки отбрасывал длинные тени на стерильно чистый пол. Он двинулся по коридору, стараясь ступать бесшумно, как настоящий шпион из плохого фильма. Его цель — полоска света под дверью кабинета Эвы. Оттуда доносились неразборчивые голоса. Он уже почти достиг заветной цели, как вдруг скрипнула дверь в конце коридора.

Максим замер, прижавшись к стене. Из кабинета, который он презрительно считал «клоповником», вышел тот самый очкарик — Артем (Максим знал всех сотрудников-мужчин, с которыми работала Эва). Артем выглядел изможденным и растерянным. Он потянулся, с характерным хрустом разминая затекшую спину, и, тяжело вздохнув, поплелся к кофейному аппарату, стоявшему аккурат между ним и кабинетом Эвы.

«Черт!» — мысленно выругался Максим. Теперь его план рушился. Он не мог подойти к двери, не выдав своего присутствия. Он решил переждать, затаившись в тени, пока этот зануда не уйдет со своей дрянной чашкой кофе.

Но Артем, видимо, решил, что кофе ему жизненно необходим прямо сейчас. Он остановился у аппарата, начал копаться в карманах в поисках мелочи и... обернулся. Его взгляд скользнул по темному коридору и наткнулся на застывшую фигуру Максима.

Артем вздрогнул от неожиданности, мелкая монета выскользнула у него из пальцев и с звоном покатила по полу.

— Боже! Вы кто? — он присмотрелся. — А, это вы... Левицкий? Что вы тут делаете?

Максим, пойманный с поличным, выпрямился, пытаясь сохранить остатки достоинства.

— А тебе какое дело? — язвительно ответил он, окидывая Артема презрительным взглядом с ног до головы. — Я жду Эву. У нас личная встреча. А ты тут почему шляешься? Буклеты допоздна клеишь?

Артем сжал пустую кружку. Было видно, что он с трудом сдерживается.

— Я готовлю отчет, который лично запросила Эва Викторовна. В отличие от некоторых, я здесь работаю.

— Ой, какой молодец! — Максим фальшиво улыбнулся. — Так, может, ты тогда и отчитаешься, что подслушиваешь под дверями? Или это в твои обязанности входит?

— Я не подслушиваю! — вспыхнул наконец Артем, его голос громко прозвучал в тихом холле. — Я шел за кофе! А вы тут прячетесь, как... как шпион дешевый!

Их перепалка нарастала, и они не заметили, как дверь кабинета Эвы распахнулась. Она стояла на пороге, с телефоном в руке, переговоры явно только что закончились. Ее лицо было бледным от усталости, но глаза метали молнии.

— Что здесь происходит? — ее голос был тихим и очень опасным. — Что за детский сад вы тут устроили?

Максим, почувствовав, что ситуация выходит из-под контроля, и желая перевести стрелки, набросился на нее:

— А что это твой клерк тут меня проверить пришел?! Я пришел тебя встретить, как порядочный человек, а он тут строит из себя охранника! Или у вас со всеми сотрудниками такие личные встречи после работы? — Он вложил в последние слова грязный намек, сам наполовину веря в свою же ложь от злости и ревности.

Эва замерла. Казалось, воздух вокруг нее закипел от холодной ярости. Она медленно перевела взгляд с перекошенного злобой лица Максима на смущенного и разгневанного Артема.

— Вы оба, — она произнесла ледяным тоном, не повышая голоса, — немедленно покидаете офис.

— Но Эва Викторовна, я... отчет... — попытался было возразить Артем.

— Завтра! — отрезала она. — И вы, Максим. Наш ужин отменяется. На неопределенный срок. Вон!

Максим что-то еще попытался сказать, оправдаться, но ее взгляд был столь уничтожающим, что слова застряли у него в горле. Сжав кулаки и побагровев от бессильной злости, он развернулся и бросился к лифту. Артем, швырнув на себя куртку, поплелся за ним, испытывая жгучее чувство несправедливости.

Эва, не глядя им вслед, прошла к своему кабинету, но заходить не стала, а сняла с вешалки у дверей сумочку и резко захлопнула дверь.

Эва шла по улице, пытаясь успокоиться и выкинуть из головы идиотскую сцену. Она была так взвинчена, что даже не заметила, как ее личный телефон, выпавший из кармана пиджака, когда она доставала ключи, остался лежать на рабочем столе, едва заметно подсвечивая экраном темноту ее кабинета. Телефон, в котором хранились все чертежи, расчеты и переписка по проекту в Эмиратах.

Глава 4. Тень из прошлого

Николас Баринов, прищурившись, смотрел на алые отсветы заката в водах Женевского озера. Здесь, в идеальной стерильности швейцарского рая, он выстроил себе не только дом, но и клетку. Клетку для своих демонов. Самым главным демоном было слово, которое он носил в себе с восемнадцати лет: «бесперспективный».

Когда-то он был просто Колей Бариновым, хулиганистым и умным пареньком из рабочей семьи, сидевшим за одной партой с принцем местного масштаба Виктором Соколовым и его музой — ослепительной Катей Орловой. Их дружба была классическим треугольником: Виктор — солнечный, надежный, влюбленный открыто и беззаветно. Коля — едкий циник, прятавший свою страсть за колкостями. Он мог часами разговаривать с Катей о книгах и музыке, которые были не по карману его семье, и видел, как ее глаза загораются интересом. Но стоило появиться Виктору с букетом дорогих цветов, как ее внимание тут же переключалось. Коля ненавидел эти цветы. Он ненавидел свою собственную нищету, которая не позволяла ему конкурировать на равных.

Выпускной бал стал апофеозом его мучений. Он видел, как Виктор, сияющий, кружит Катю в вальсе. В его объятиях она выглядела как часть его мира — мира успеха и благополучия, в который Коле пути не было. Он стоял в тени колонны, кусая губы до крови, чувствуя, как ревность и обида разъедают его изнутри. Он уже собрался уходить, когда к нему, пошатываясь, подошла она. Щеки горели румянцем, в глазах стояли слезы — от шампанского или от ссоры с Виктором.

— Баринов! Ты чего тут стоишь, как мрачное приведение? — голос ее звенел иронией и обидой. — Все танцуют, а самый умный из нас грустит в углу. Боишься, что не получится?

Он что-то пробормотал, но она уже схватила его за рукав и потащила прочь из актового зала, наполненного музыкой и счастьем других. Они бежали по ночному городу, и он, захлебываясь, говорил ей все то, что копилось годами. Она смеялась, спорила, и в ее смехе сквозь опьянение слышалась боль. Оказались у «Северной», дешевой гостиницы, пахнувшей дезинфекцией и тоской.

— Снимешь номер? Или и здесь струсил? — бросила она ему вызов, и в ее глазах читался не интерес, а вызов миру, Виктору и самой себе.

Той ночью в убогом номере с потрескавшимся потолком он перестал быть насмешником. Он был просто влюбленным, неумелым мальчишкой. А она — его недостижимой мечтой, которая вдруг стала реальной. Но утром реальность вернулась вместе с солнечным светом, пробивавшимся сквозь грязные шторы. Он проснулся от звука захлопнувшейся двери. На стуле висела его потертая рубашка, а к ней была приколата булавкой записка: «Прости, Коля. Ты замечательный. Но ты... бесперспективный. Не ищи меня».

Это слово стало приговором. Он сжег записку, но не смог выжечь его из памяти.

Он исчез. Поступил в другой институт, где его прошлое не знали. Он грыз гранит науки с яростью загнанного зверя, видя перед собой единственную цель — никогда и ни перед кем не чувствовать себя так же униженно. Он сменил имя на холодное, иностранное «Николас», словно сбросив кожу того несчастного мальчишки. Он женился на Илоне, женщине из старого банкирского рода, увидев в ней не только билет в другой мир, но и родственную уставшую

душу. Он любил ее, но эта любовь была тихой и трагической, не похожей на всепоглощающую бурю его юности. Ее смерть от тяжелой болезни лишь усугубила его внутреннюю пустоту.

А потом он вернулся. Успешный, опасный, с деньгами и связями, Николас Баринов. И снова появился в жизни Соколовых. Их дело, «Соколов Тревел», только набирало обороты, и его экспертиза и капиталы были как нельзя кстати. Увидев Катю, он понял, что время не вылечило его рану, а лишь загнало болезнь внутрь. Она была по-прежнему прекрасна. Увидев его, она поняла, что совершила чудовищную ошибку, о которой боялась признаться сама себе.

Между ними вспыхнул страстный роман. Для Кати он был воплощением риска, запретного плода, той самой «перспективы», которую она когда-то не разглядела. Она разрывалась между Виктором, который был ее надежной гаванью, и Николасом, который был бурным океаном. Николас знал, что это самоубийство, но не мог остановиться. Каждая их тайная встреча была для него попыткой переписать прошлое, стереть то утро в «Северной» и заставить ее увидеть в нем того, кем он стал.

Их последняя встреча началась как праздник. Они подписали блестящий контракт. Виктор остался с приболевшей Эвой. «Отмечать не с кем, — сказала она ему по телефону, и в ее голосе звенела та самая бесшабашность, что и в ночь выпускного. — Составишь компанию, Николас?» Он примчался, как на зов сирены.

В ресторане заиграла та же музыка. Он смотрел на нее и видел не бизнес-леди, а ту самую девчонку с выпускного бала. И снова заговорил о чувствах, о выборе, о том, что они теряют время. И снова она отшучивалась, говорила о дружбе, но в ее глазах он видел не жалость, а страх. Страх перед той силой, которую он излучал. «Хватит, Ник! Мы друзья, и точка». Это прозвучало как приговор. Тот же, что и много лет назад.

В машине он не сдержался. Требовал ответа, кричал. Она кричала в ответ, что он сошел с ума, что разрушает все, что она любит Виктора. И тогда он, обезумев от ярости и боли, выпалил:

— Любишь? А что ты делала все эти месяцы в моих объятиях? Жалость отрабатывала? Я для тебя так и остался темным «бесперспективным» Колей?

Ее ответ перерезал все нити.

— Да! — закричала она в исступлении. — Да! Ты и есть тот самый никчемный Коля, который пытается примерить чужие роли! Я пыталась исправить свою старую ошибку, но ошиблась снова! Останови машину! Немедленно!

Он не остановился. Он давил на газ, слепой от ярости, не видя дороги из-за дождя и слез. Он хотел заставить ее замолчать, хотел, чтобы мир перестал существовать. На скользком повороте его «Мерседес» резко занесло...

Он очнулся от оглушительной тишины, прерываемой лишь шипением пара из разорванного радиатора. И от теплой, липкой влаги на своем лице. Сначала он подумал, что это дождь. Но это была кровь. Ее кровь.

С тех пор он бежал. В Швейцарию. От себя, от Виктора, от ее призрака. Он отстроил идеальную жизнь-фасад, но мысль о том, что Виктор знает или догадывается о его вине, не

давала ему покоя. Это была незаживающая рана. И тогда он начал вынашивать план. Холодный, расчетливый и беспроегрышный.

Он ждал этого звонка. Ждал, когда горе и время сделают свою работу, когда Виктор ослабеет. И когда тот позвонил, с надтреснутым, усталым голосом, Николас был готов.

Они встретились в Питере, на нейтральной территории — приватном кабинете ресторана. Виктор постарел на десятилетия; в его глазах стояла невысказанная боль.

— Зачем ты вернулся, Николас? — спросил он без предисловий, не дотрагиваясь до вина. — После всего.

— Я вернулся, потому что должен был вернуться, — тихо, почти исповедально начал Николас. Он смотрел не на Виктора, а на пламя свечи, играя бокалом. — Все эти годы я жил с одним грузом. С мыслью, что ты меня ненавидишь. Что ты считаешь меня убийцей.

Виктор сжал кулаки, его челюсть напряглась.

— А разве нет?

— Нет, — Николас поднял на него взгляд, и в его глазах стояла искренняя, выстраданная мука. Искренняя для него самого. — Я был за рулем, да. Я виноват, что не справился. Виновен в ее смерти перед тобой и перед Эвой. Но не в том, в чем ты меня подозреваешь.

— Я ничего не подозреваю. Я знаю, — голос Виктора прозвучал хрипло. — Я знал о вас. Она мне все рассказала перед... перед самой...

Николас сделал вид, что это удар для него. Он откинулся на спинку стула, позволив на лице отразиться шоку и горю.

— Она рассказала? — он сглотнул. — И что же она сказала? Что мы были любовниками? Что мы встречались за твоей спиной?

Виктор молча кивнул, его лицо исказилось от гримасы боли.

— Она солгала тебе, Витя, — тихо, но четко произнес Николас. — Солгала, чтобы ранить тебя в последней ссоре. Да, мы поссорились той ночью. Из-за тебя. Она кричала, что ты уделяешь ей мало внимания, что вся жизнь — это только бизнес. Она была в истерике! Я предложил подвезти ее, чтобы успокоить. Всю дорогу она твердила одно: «Витя никогда мне не простит, он подумает самое худшее». Она боялась твоего недоверия больше всего на свете! А я... я пытался ее убедить, что ты ее любишь, что все наладится. И вот чем это кончилось.

Он умолк, дав словам повиснуть в воздухе. Давая Виктору пережить эту ложь, облеченную в одежды правды.

— Не верю тебе, — прошептал Виктор, но в его голосе уже не было прежней уверенности, а лишь отчаянная надежда поверить.

— Поверь, — Николас наклонился вперед, его голос стал настойчивым, почти гипнотическим. — Поверь мне, как верила она в ту последнюю минуту. Потому что она успела сказать мне кое-что. Ее последние слова были о тебе. И о Эве.

Виктор замер, затаив дыхание. Его защитная стена дала трещину.

— Что... что она сказала?

— Она сказала: «Скажи Вите... пусть он... пусть он их объединит. Ради Эвы. Это мое последнее желание»... — Николас сделал паузу, наслаждаясь моментом. — Она не успела дого-

ворить, Витя. Но я понял. Она говорила о бизнесе. О вашем общем деле. Она хотела, чтобы ты нашел способ сохранить его для дочери, сделать его нерушимым. Она просила тебя об этом. Умирая.

Это была гениальная ложь. Он играл на самом святом — на последней воле погибшей жены, на отцовской любви и чувстве вины самого Виктора.

Виктор закрыл лицо руками, его плечи затряслись. Он плакал. Плакал о жене, о своей боли от неправильных подозрений. Николас наблюдал за этим с внутренним торжеством. Он почти победил.

— Я не знал. — глухо прошептал Виктор. — Я думал.

— Хватит думать, — мягко, но властно перебил его Николас. — Хватит страдать. Давай выполним ее волю. Давай сделаем так, как она хотела. Я помогу тебе. Я обязан помочь. Ради нее. Я разработал все детали. Доверься мне, как ты доверял мне раньше. Давай заключим сделку. Ту самую, о которой она мечтала.

Он не стал озвучивать условия. Не сейчас. Сейчас нужно было дать Виктору утонуть в этом облегчении, в этой лживой благодарности за «спасенную» память о Кате.

И пока Виктор, сломленный и благодарный, пожимал ему руку, Николас смотрел поверх его головы в окно, на темные воды Невы.

«Поверил, — ликовала его черная, холодная сущность. — Поверил, как наивный мальчишка. Ты всегда был таким, Витя. Доверчивым. Она выбрала тебя за твою «честность». А я... я выиграю именно за ее отсутствие. Ты подпишешь все, что я предложу, потому что тебе будет казаться, что ты исполняешь ее последнюю волю. И я заберу все. И дело, которое мы строили вместе, и твою дочь. И твое спокойствие. Я струсил тогда, у «Северной». Но сейчас — нет. Сейчас я выиграю».

Расчетливый ход Баринова сработал безупречно. На следующее утро он явился в офис «Соколов Тревел» с портфелем, в котором лежали тщательно подготовленные документы, чтобы обсудить с Виктором «последнюю волю Кати» в деталях. Но в приемной его встретила растерянная Алла Васильевна.

— Виктора Леонидовича ночью забрала «скорая» — выдохнула она, не в силах скрыть дрожь в голосе. — Сердце. Врачи говорят, кризис. Он в реанимации и к нему никого не пускают.

Внутри Николаса все похолодело от ярости. Не сейчас! Все могло рухнуть в самый последний момент. Если Виктор умрет, не подписав бумаги, все перейдет к Эве, и его многолетний план пойдет прахом. Если же он выживет, но останется недееспособным, возникнут опекуны, суды, вопросы... Нет. Он не мог этого допустить.

— Это ужасно, — произнес он с подобранной на лету искренней скорбью. — Но есть дело, которое не терпит отлагательств. Личное дело Виктора. Он ждал этих документов. Это было важно для него. Для памяти Екатерины.

Алла Васильевна, верная своему боссу до мозга костей, колеблясь, все же дала ему адрес клиники. Этого было достаточно.

Через час Николас Баринов уже стоял в полутемной палате рядом с телом Виктора, опутанным проводами и трубками. Тот был без сознания, под действием сильнейших седативных препаратов. Рядом, стараясь не смотреть на Баринова, нервно переминался нотариус — молодой, подобранный им за большие деньги специалист, не задающий лишних вопросов.

— Виктор, друг — начал Николас театральным шепотом, обращаясь к бессознательному другу. — Ты должен это подписать. Ради Кати. Ты же обещал.

Он взял его ослабевшую, безвольную руку и, с помощью нотариуса, который бледнел с каждой секундой, вложил в нее дорогую перьевую ручку. Ведя его рукой, как рукой марионетки, Николас вывел на последней странице документа шаткое, кривое, но юридически значимое подписание: «В. Л. Соколов».

Нотариус, стараясь не дрожать, поставил печать и свою подпись.

Теперь оставалось только ждать. Ждать, когда Виктор либо умрет, либо официально отойдет от дел по состоянию здоровья. Баринов надеялся на второе — это было бы более изящно и менее подозрительно.

Он ждал десять долгих лет.

Десять лет, в течение которых Николас из-за границы по кирпичику выстраивал свою новую реальность, готовя почву для своего триумфального возвращения.

И вот этот день настал. Завтра его ждут в Питере. Самолет, билеты, люкс в «Астории» — все уже куплено и ждет его. Оставалась лишь одна, последняя малость. Перед отлетом он заехал к Матильде.

Матильда была его личным антидепрессантом. Дорогой, эффективным и абсолютно без эмоциональным. Профессионал своего дела, она специализировалась на снятии стресса у сильных мира сего. Ее квартира в центре Женевы была таким же его кабинетом, как и офис, — местом, где он приходил в себя, восстанавливал контроль и сбрасывал накопившееся нервное напряжение.

Его не интересовали ее разговоры, ее прошлое или ее чувства. Его интересовало ее идеальное, тренированное тело и ее безразличное мастерство, которое позволяло ему на несколько часов забыть обо всем: о призраке Кати, о бледном лице Виктора в больничной палате, о собственной, вечно грызущей его пустоте.

Он вышел от нее глубокой ночью, холодный, собранный и абсолютно готовый к завтрашнему дню. К дню, когда он, наконец, получит все, что, как он считал, принадлежало ему по праву.

Он смотрел на огни города, отражавшиеся в темных водах Роны, и чувствовал лишь ледяное удовлетворение хищника, уверенного в своей победе. Завтра начнется его игра. И он был готов играть в нее до конца.

Глава 5. Дамир Майер

Рождение Дамира стало единственным светлым и искренним событием в браке Николаса Баринова и Илоны Майер. Для Илоны, женщины с тонкой душевной организацией и глубокой меланхолией, сын стал спасением, смыслом существования. Она не чаяла в нем души и, предчувствуя, что не сможет дать ему достаточно тепла в будущем, старалась компенсировать это всем, что было в ее силах.

Она окружила его красотой и искусством. Его детство прошло не в стандартных детских комнатах, а в бесконечных музеях и на вернисажах Парижа, Лондона, Флоренции. Пока Николас строил свою империю, Илона строила мир для своего мальчика. Она первой заметила его способности. Не к числам или стратегиям, а к цвету и форме. В три года он уверенно держал кисть, в пять — смешивал краски с интуицией взрослого художника, в десять — его работы уже было не отличить от картин многих признанных мастеров модернизма.

Илона нанимала ему лучших учителей, покупала самые дорогие материалы, превратила западное крыло их женеvской виллы в просторную светлую мастерскую. Они могли часами молча сидеть рядом: она — читая, он — рисуя. Это было их тихое, идеальное сообщество, их крепость, в которую был не допущен Николас.

Для Николаса сын всегда был загадкой и... разочарованием. Он хотел видеть в нем продолжателя своего дела, железного наследника с холодным умом. А Дамир был похож на мать — тихий, созерцательный, живущий в мире внутренних образов. Николас считал его слабым, «не от мира сего», и их редкие встречи сводились к сухим формальным вопросам.

Дамир тонко чувствовал это неприятие. Он видел, как отец почти не бывает дома, а если и появляется, то лишь для того, чтобы устроить сцену или продемонстрировать свое презрение к их «бесполезному времяпрепровождению». Он знал о его многочисленных любовницах и видел, как от этого тихо угасает его мать.

Смерть Илоны окончательно разорвала и без того хрупкую связь между отцом и сыном. Шестнадцатилетний Дамир не мог простить отцу его отстраненности, его холодности в последние дни жизни матери. Он видел в нем не горевавшего вдовца, а расчетливого дельца, поспешно закрывающего ненужные ему активы. В знак протеста и вечной верности матери Дамир официально сменил фамилию Баринов на девичью фамилию матери — Майер. Он заперся в доме своего деда, известного коллекционера искусства, на окраине Женевы, и погрузился в рисование. Это был его способ скорбеть, его способ остаться с ней.

Прошли годы. Дамир Майер не стал клерком в империи отца. Он стал rising star арт-мира. Его работы, полные меланхоличной, пронзительной красоты и невероятного технического мастерства, стали сенсацией. Критики писали о «редком даре», «возрождении классического модернизма» и «глубине, не свойственной столь молодому автору».

Вся арт-тусовка с нетерпением ждала его первой персональной выставки, посвященной памяти Илоны Майер. Анонсы были разосланы, в глянцеvых журналах вышли восторженные статьи о «затворнике из Женевы», а инстаграм-аккаунты знатоков искусства взорвались фотографиями его работ.

Не меньше, чем его картины, светскую хронику волновал и его роман с Анастасией Делекторской, восходящей звездой балета, солисткой парижской оперы. Они встретились на благотворительном аукционе. Он был угрюм и молчалив, она — сияла энергией и грацией. Ее привлекла его замкнутость и талант, его — ее сила и дисциплина. Их роман был красивой сказкой для прессы: меланхоличный гений-художник и прекрасная, знаменитая балерина. Фотографии их прогулок по набережным Сены собирали сотни тысяч лайков. Настя была одним из немногих людей, кто мог растопить лед в его сердце и вызвать на его лице редкую, но искреннюю улыбку.

Именно в такой момент, за неделю до открытия выставки и за день до отъезда в Россию, Николас Баринов пригласил сына на ужин.

Они сидели в дорогом ресторане за столиком у окна. Молчание между ними было густым и неловким, как всегда. Дамир смотрел на тарелку с устрицей, к которой так и не притронулся. Николас, напротив, ел с деланным аппетитом.

— Я видел, что ArtReview пишет о тебе, — начал Николас, откладывая вилку. Его голос был ровным, деловым. — Говорят, «редкий дар». Молодец. Илона бы гордилась.

Это имя, произнесенное его устами, всегда резало Дамира по живому.

— Не называй ее так, — тихо, но четко сказал он. — Ты не имеешь права.

— Я имею всякое право. Она была моей женой, — холодно парировал Николас.

— Была. Но ты никогда не вел себя как муж. Ты был постояльцем. И то непостоянным.

Николас вспыхнул, но тут же взял себя в руки.

— Не будем возвращаться к старому. Я пригласил тебя не для ссоры. Мне завтра лететь в Россию, в Санкт-Петербург. Деловые переговоры. Со старыми партнерами. И я хочу, чтобы ты составил мне компанию.

Дамир скептически поднял бровь.

— Компанию? Зачем? У меня через неделю открытие выставки. Той самой, о которой ты только что «прочитал». И помолвка с Настей. Ты в курсе, что такое подготовка к персональной выставке?

— Выставка через неделю, — отмахнулся отец, как от назойливой мухи. — Мы вернемся за три дня до нее. Все успеешь. Питер. Разве не об этом ты всегда твердил матери? «Хочу увидеть Исаакя, «Белые ночи», Эрмитаж...» Это твой шанс. Город твоих любимых художников. Дворцы, каналы. Разве это не стоит того, чтобы отложить кисти на пару дней?

Это была низкая, но точная уловка. Мысль увидеть воочию город, вдохновлявший Добужинского, Бенуа, Сомова, задела Дамира за живое. Он замолчал, колеблясь.

— Какие переговоры? — настороженно переспросил он. — Какие партнеры? Ты никогда не брал меня с собой в деловые поездки.

— Очень старые связи, — уклончиво ответил Николас, делая глоток вина. — Семейное дело. Там будет одна молодая особа. Примерно твоего возраста. Дочь моего партнера. Думаю, вам будет интересно пообщаться. Возможно, она даже захочет посетить твою выставку. Эва. Очень целеустремленная девушка. Возглавляет сочинский филиал. Думаю, вы найдете общий язык.

Он намеренно описывал поездку, как легкое, культурное путешествие с элементом светского флирта.

— Целеустремленная? Звучит скучно, — поморщился Дамир. — Она хоть что-то смыслит в искусстве? Или вся ее целеустремленность в Excel-таблицах?

— Узнаешь, когда познакомишься, — уклончиво улыбнулся Николас. — Соглашайся. Это будет полезно для твоего кругозора.

В этот момент зазвонил телефон Дамира. На экране загорелось фото улыбающейся Анастасии.

— Извини, — он отвернулся к окну. — Да, солнышко? Нет, все хорошо. Просто ужин. С отцом. Он помолчал, слушая ее. — В Питер. Возможно. Да, я знаю, ты там гастролила. Красиво? Правда? — его лицо наконец смягчилось, в голосе появились теплые нотки. — Хорошо, обязательно. Спокойной ночи, любимая.

Он положил трубку и взглянул на отца, который наблюдал за ним с холодной усмешкой.

— Балерина? — спросил Николас с легкой насмешкой. — Все еще крутишь роман с этой девочкой?

— Это не «роман», — резко ответил Дамир. — И не «девочка». Анастасия Делекторская — блестящая артистка. И она понимает меня лучше, чем кто-либо.

Николас пожал плечами, давая понять, что это его не интересует.

— Итак, о чем мы? Ах, да. Петербург. Я уже заказал билеты.

Дамир вздохнул, смотря на огни города. Мысль сбежать от пред выставочной суеты, увидеть новое, возможно, найти сюжеты для картин, перевешивала неприязнь к отцу.

— Ладно, — он сдался. — Я полечу с тобой. Но только на несколько дней.

Николас удовлетворенно кивнул, в его глазах мелькнула победа.

— Отлично. Завтра в десять утра, аэропорт. Не опаздывай.

Он не стал раскрывать сыну истинных причин поездки. Не сказал ни слова о Викторе Соколове, о договоре. Николас решил, что поговорит с ним накануне встречи, представив все в виде блестящей возможности.

Дамир же, вернувшись в свою мастерскую, смотрел на незаконченный портрет матери и думал о белых ночах Петербурга. Он звонил Насте.

— Представляешь, я все-таки лечу завтра в Питер. Да, с ним. Нет, не знаю зачем. Но возможность увидеть город. Да, я тоже буду скучать. Обещаю, привезу тебе эскизы самой красивой набережной.

Он абсолютно не подозревал, что летит не навстречу вдохновению, а навстречу ловушке, расставленной его отцом. Разменной монетой в большой игре, правила которой он даже не знал.

Эва вышла из офиса в ночную прохладу Сочи. Воздух был густым и сладким, словно пропитанным медом и ванилью. Он пьянил, окутывал, заставлял забыть о стерильной прохладе кондиционеров и бесконечных графиках. Где-то вдали, на набережной, лилась музыка и слышался счастливый, беззаботный смех. Но Эва шла не туда. Ей нужна была не чужая радость, а тишина, чтобы разобраться в собственных мыслях.

Ее гнев понемногу остывал, превращаясь в горькое, неприятное послевкусие. «Детский сад, — снова и снова прокручивала она в голове сцену в холле. — Два взрослых мужчины, а ведут себя как мальчишки на школьном дворе». Максим с его беспочвенной ревностью и истеричными обвинениями. Артем с его нелепой, но искренней готовностью броситься в бой. Оба — полная противоположность тому порядку и контролю, которые она так выстраивала в своей жизни. Оба одним своим существованием ставили под сомнение ее уверенность в том, что все можно просчитать и взять в железные руки.

Вдыхая аромат цветущих магнолий, она невольно улыбнулась. В этом году эти удивительные деревья цвели повторно, вопреки всем графикам и учебникам ботаники. Огромные белые чаши, похожие на изящные фарфоровые блюда, плыли в темноте, источая невероятно нежный, но настойчивый аромат. Магнолия крупноцветковая, — мысленно отметила она. — Вечнозеленое дерево, способное к ремонтантному цветению в условиях теплой и влажной осени. Природный механизм, направленный на увеличение шансов на опыление. Даже природа позволяла себе непредсказуемость, шла против правил. Почему же она должна быть всегда в тонусе?

Она злилась на них, да. Но в глубине души Эва с холодной ясностью признавала тот факт, что Максим — не тот мужчина, с которым можно пройти через огонь и воду, а потом встретить старость, держась за руки. Он был красивой, дорогой обложкой с пустым содержанием. Он идеально смотрелся на ее фото в соцсетях — улыбчивый, подтянутый, с правильными чертами лица. Он был аксессуаром, который подчеркивал ее статус успешной, красивой женщины, у которой есть все, включая идеального парня.

Надеяться на то, что он внесет вклад в их общий бюджет, было бессмысленно. Его грандиозный проект — компьютерная игра в жанре survival simulator под пафосным названием «Elysian Escape» — существовал уже второй год в виде красочных концепт-артов, громких заявлений о скорой революции в игристое и бесконечных ночных бдений за компьютером, которые он называл «рабочими сессиями». Денег это пока не приносило никаких, лишь съело его время и ее веру.

Эва ничего не имела против того, что деньги в семью приносит женщина. Смысл был не в этом. Смысл был в поддержке, в общем деле, в ощущении, что вы — одна команда. Ей хотелось делиться с ним успехами и получать в ответ не равнодушное «молодец, котик», а искренний интерес и совет. Ей хотелось, чтобы он был ее тылом, ее надежной гаванью, а не еще одним проектом, которым нужно управлять, мотивировать и тянуть за собой.

Любовник из него был превосходный — страстный, изобретательный, умеющий заставить забыть обо всем на свете. Но семьянин? Партнер? Опора? Нет. Именно поэтому она и оттягивала разговор о браке, отшучиваясь, что еще не готова к такому серьезному шагу. На самом деле, она была готова. Просто не с ним.

Почему-то именно в этот момент она вспомнила тех пожилых супругов, Первушиных. «Золотая свадьба». Пятьдесят лет. Как они это сделали? Ведь пары встречаются почти случайно, два чужих человека из разных миров, с разными привычками и бэкграундами. Они как плюс и минус — притягиваются, часто вопреки логике. Та самая «искра», химия, «бабочки в животе» — это лишь спичка, которая зажигает костер. Но чтобы он горел десятилетиями, нужны дрова — общие ценности, уважение, умение прощать и идти на компромиссы.

Она прекрасно знала, что и у таких пар не все гладко. Ссоры, обиды, разочарования. Именно поэтому в ее свадебных турах работали первоклассные семейные психологи, помогающие молодоженам не только организовать праздник, но и заглянуть чуть дальше, в их общее будущее.

«Надо будет посмотреть, что это за город такой — Вичуга, — отвлеклась она от грустных мыслей. — Существует ли тот самый завод? И есть ли там хоть один приличный ресторан, который соответствовал бы нашим стандартам... Хорошо бы найти что-то аутентичное, но с современным комфортом».

Тут она поняла, что проголодалась. Пообедать она не успела, а ужин с Максимом благополучно накрылся медным тазом. На ее пути попалось уютное кафе с светящейся вывеской «Le Repère». Из открытой двери веяло ароматом свежеиспеченных круассанов и эспрессо.

«Возможно, найдется что-то легкое», — подумала она, заглядывая в меню у входа. Сезонный салат с рукколой и грушей, крем-суп из шампиньонов, смузи из шпината и манго... Вполне подходящий ужин для позднего времени.

Она так была поглощена своими мыслями и изучением меню, что не заметила, как за ее спиной притормозила черная спортивная машина. Из окна высунулось раздраженное лицо Максима. Он проследил за ней, чтобы извиниться, вернуть все назад. Увидев, что она заходит в кафе, он злорадно хмыкнул: «Ага, тоже проголодалась после скандала». Он припарковался в тени, решив подождать, пока она выйдет.

И уж конечно Эва не могла предположить, что всего десять минут назад в это же кафе, спасаясь от тоски и одиночества, зашел Артем. Он сидел у дальнего окна, уткнувшись в экран ноутбука, заказывая свой стандартный ужин программиста — большой латте и пасту карбонара. Он искал в интернете информацию о Вичуге, пытаясь отвлечься от мыслей о своем провале и ледяном взгляде Эвы.

Судьба свела всех троих в одной точке в одно время, готовя новую, еще более нелепую и взрывную встречу. Южная ночь только начиналась.

Эва зашла внутрь, и ее приятно поразила обстановка. Это было не стандартное кафе, а место с душой. Стены были выкрашены в теплый терракотовый цвет, а вместо картин их украшали полки с причудливой керамической посудой: чашки с неровными краями, будто слепленные руками ребенка, тарелки с рельефными отпечатками листьев и приморских камушков. Каждый предмет был уникален. Свет исходил от кованых бра с матовыми стеклами, бросая мягкие круги света на столики из слэбов грубого дерева. Пахло не только кофе, но и глиной, деревом и легкими пряностями.

Молодой официант с умными глазами и бородкой хипстера провел ее к столику у окна.

— Что-то легкое, — сказала Эва, даже не открывая меню. — Салат, возможно смузи.

— Отличный выбор, — кивнул официант. — Но, если позволите, я рискну предложить вам нечто вопреки всем правилам. У нашего шефа сегодня авторский десерт — грушевый тарт-татен с розмарином и домашним ванильным мороженым. Тесто просто тает во рту. Идеально дополняет ночной чай.

Эва улыбнулась. Его энтузиазм был заразителен.

— Это очень опасно, — пошутила она. — Вы подрываете мою дисциплину.

— Иногда самые лучшие вещи случаются именно так, — парировал он с легким поклоном. — Вы не пожалеете.

Эва сдалась. Вечер и так пошел наперекосяк, почему бы не добавить в него немного незапланированной сладости?

— Ладно, вы меня убедили. И чай, что-нибудь успокаивающее.

— Ройбуш с лепестками сафлора, — мгновенно предложил официант. — И десерт. Будет через пятнадцать минут.

Пока он уходил, Эва внимательнее рассмотрела чашку, что стояла перед ней. Она была шероховатой на ощупь, теплой, цвета темного песка с вкраплениями битой ракушки. Чувствовалась рука мастера.

Когда официант вернулся с чаем, Эва не удержалась и спросила:

— Простите, а посуда у вас потрясающая. Это местный мастер?

Молодой человек засиял.

— Это работа владелицы заведения, Алины. Она у нас и шеф-кондитер, и керамист. Все, что вы видите, сделано ее руками.

Эва была впечатлена.

— Невероятно. Талантливо и очень атмосферно.

— Позвольте, я позову нашего директора, он расскажет лучше, — предложил официант и скрылся в глубине заведения.

Через минуту к ее столику подошел мужчина лет сорока пяти в простой льняной рубашке. У него было спокойное, уставшее и по-настоящему доброе лицо.

— Здравствуйте. Я директор этого милого кафе. Слышу, вы интересуетесь нашей керамикой?

— Да, она восхитительна, — искренне сказала Эва. — У вас потрясающее место.

Мужчина смущенно улыбнулся.

— Спасибо. Это наша общая с женой душа. Мы открыли это кафе пять лет назад. Я раньше был бухгалтером, а она — архитектором. Надоел офис, захотелось чего-то своего. Алина всегда увлекалась керамикой, это было ее хобби, отдушина. А я обожал готовить. Решили совместить. Первые полтора года были адом, — он засмеялся. — Я стоял у плиты, она лепила горшки, а мы оба мыли полы и считали каждую копейку. Но мы делали это вместе. И знаете, что самое главное? Мы никогда не спорили о том, кто главнее в нашем общем деле. Я

доверяю ее вкусу в дизайне безоговорочно, а она моему — в меню. Мы просто... дополняем друг друга.

Эва слушала, замороженная. Перед ней была живая иллюстрация тех идеальных отношений, о которых она тщетно размышляла всего полчаса назад.

— Это удивительная история, — произнесла она. — Вам очень повезло. — Не повезло, — мягко поправил ее Артем. — Мы работаем над этим каждый день. Просто мы выбрали не только друг друга, но и общее дело, которое нас обоих вдохновляет. Это и есть наш секрет.

В этот момент официант принес десерт. Тарт и правда выглядел как произведение искусства.

— Приятного аппетита, — сказал директор и сделал движение, чтобы удалиться, но затем обернулся. — А вы, если не секрет, чем занимаетесь? У вас очень целеустремленный вид.

Эва чуть не поперхнулась чаем. Ирония судьбы была поразительной.

— Я... я организую медовые месяцы, — сказала она, впервые за долгое время представившись без привычной скороговорки «гендиректор туристической компании».

— Вот как! — лицо Артема озарилось. — Тогда вам наверняка известны все самые романтичные уголки мира. У нас тут молодожены частенько бывают. Все ищут что-то особенное, не как у всех.

И в этот момент его слова, словно ключ, повернулись в замке ее сознания. Что-то щелкнуло. «Не как у всех». Все ее клиенты искали именно этого. Не просто пятизвездочный отель с бассейном-«все включено», а историю. Уникальный опыт. Место, где пахнет не только дорогим парфюмом, но и любовью. Где чувствуется душа.

Она смотрела на грубую, сделанную с любовью чашку в своей руке, на этот уютный, неповторимый зал, на счастливого мужчину, рассказывающего о своей жене-керамисте. И поняла, что ее проект в Эмиратах, каким бы технологичным и роскошным он ни был, не имеет самого главного — этой самой души. Этой подлинности.

— Да, — тихо сказала она, больше себе, чем ему. — Я кое-что поняла. Спасибо вам. Вы не представляете, как вы мне помогли.

Директор вежливо кивнул и отошел. Эва отломил кусочек тарта. Он был идеальным. Сладким, но с пикантной горчинкой розмарина. Таким же контрастным, как и этот вечер.

Она думала о Вичуге, о заводе, о паре, прожившей вместе пятьдесят лет. И о том, что самое большое богатство — не в деньгах, а в том, чтобы найти человека, с которым ты захочешь мыть полы в своем общем кафе, строя свою общую мечту.

А в это время за окном, в машине, Максим злобно стучал пальцами по рулю, наблюдая, как она улыбается чужому мужчине и ест тот самый десерт. Его план «извиниться» быстро превращался в план «устроить сцену».

Артем уставился в экран ноутбука, пытаясь сосредоточиться на расписании поездов до Ивановской области, но цифры расплывались перед глазами. Он все еще переживал дневной

провал. Рука сама потянулась к стакану с водой, но вместо этого задела край чашки с латте. Тяжелая вилка с тихим звоном упала на пол и покатилась под соседний столик.

Сгорбившись, он наклонился, чтобы ее поднять. Вынырнув с вилкой в руке и легким румянцем смущения на щеках, он бросил взгляд на зал и замер. В нескольких метрах от него, у окна, сидела она. Эва Викторовна. Не ледяная босс в строгом костюме, а удивительно земная и даже задумчивая женщина. Она смотрела в свою чашку с какой-то мягкой, печальной улыбкой, которую он никогда бы не увидел в офисе.

В этот момент дверь в кафе резко распахнулась. На пороге возник, как черт из табакерки, тот самый тип в дорогом пиджаке, что устроил недавний скандал. Максим. Его взгляд метнулся по залу, нашел Эву, и лицо исказилось от злости. Он направился к ее столику тяжелой, уверенной походкой.

Артем почувствовал, как у него сжались кулаки. Инстинктивно он выпрямился, готовясь к худшему.

— Нашла где устроиться! — раздался громкий, язвительный голос Максима, заставивший пару за соседним столиком вздрогнуть. — Я тебя по всему городу ищу, а ты тут пирожные уплетаешь? После того, как выставила меня на посмешище?

Эва медленно подняла на него глаза. В ее взгляде не было страха, лишь усталое раздражение.

— Максим, ты меня слышишь? Уходи. Сейчас же. Мы не будем говорить здесь.

— А где будем? В твоём кабинете, под присмотром твоего клерка? — он язвительно огляделся и тут же заметил Артема, который не смог скрыть своего присутствия. — А, вот и он! Что, охраняешь свою начальницу? Дежурство продлили?

Артем встал. Он был ниже Максима и subtilнее, но стойкая мысль защитить ближнего била прямо сердце, поднимая волну адреналина.

— Оставьте ее в покое, — прозвучало тихо, но четко.

— А тебе какое дело, ничтожество? — Максим сделал шаг в его сторону, и несколько посетителей замерли с открытыми ртами.

Хозяин заведения появился как из-под земли. Он не повышал голоса, но его спокойный, весомый бас мгновенно привлек все внимание.

— Господа, в моем заведении есть одно правило: здесь отдыхают. Если вы хотите выяснять отношения, есть полиция и ближайший сквер. Я предложу вам другой вариант: успокоиться и разойтись по своим столикам. Или покинуть мое заведение. Выбор за вами.

Его авторитет и абсолютное спокойствие подействовали как ушат холодной воды. Максим фыркнул, но отступил на шаг.

— Ладно, ладно... Не кипятись, дядя. Я просто пришел поговорить со своей девушкой.

— Она, по всей видимости, не хочет с тобой разговаривать, — мягко, но неумолимо констатировал хозяин. — Или может быть мне составить вам компанию?

Максим посмотрел на Эву. Она отвернулась от него, демонстративно рассматривая узор на своей чашке. Ее молчание и презрение были красноречивее любых слов. Плюнув сквозь зубы, он развернулся и вышел из кафе, громко хлопнув дверью.

Наступила неловкая тишина. Управляющий обвел взглядом зал.
— Приношу извинения за беспокойство. У всех десерт за счет заведения.

Затем он повернулся к Артему.
— Все в порядке?
— Да, спасибо, — смущенно пробормотал тот, чувствуя себя полным идиотом и украдкой глянул на начальницу.

Но Эва молчала.
— Я, пожалуй, пойду, — он был готов провалиться сквозь землю и, не глядя по сторонам, почти бегом направился к выходу, стараясь поскорее оставить этот вечер позади.

Артем так торопился, что совсем забыл о пакете, который стоял рядом с его стулом. В нем лежал аккуратно сложенный тот самый испачканный кофе костюм цвета пыльной розы. Марина, пытаясь загладить вину подчиненного, попросила его по пути домой занести вещь в элитную химчистку, которая как раз работала в этом районе допоздна.

За окном взревел мотор, и его водитель, все еще кипя от злости, лихорадочно придумывал новый план, как вернуть расположение Эвы. План разыграть ревность с треском провалился. Максим в ярости вырулил на набережную и резко затормозил, чуть не врезавшись в парапет. Он бил кулаком по рулю, матерился сквозь зубы, представляя, как бы он сейчас размазал по стенке этого очкастого задохлика и этого самодовольного хозяина кафе. Его унизили. Его, Максима Левицкого, выставили идиотом на глазах у всей этой богемной публики.

В этот момент зазвонил телефон. На экране сияло фото матери. Максим фыркнул и принял вызов.

— Ну что, Максимка? Как успехи? Она уже растаяла в твоих объятиях? — послышался сладковатый, но требовательный голос Ольги Николаевны.

— Растаяла, мам, как ледник в адском пламени! — выпалил он, срываясь на крик. — Ты знаешь, что она устроила? Выставила меня из офиса, как какого-то придурка! А потом я нашел ее в каком-то хипстерском кафе, где она коротала время с тем самым своим клерком! И какой-то самозванец-хозяин меня чуть ли не вышвырнул!

Он выложил все, сгущая краски, выставя себя единственной жертвой обстоятельств.

Ольга Николаевна выслушала его, не перебивая. На другом конце провода повисла короткая пауза, а затем раздался ее ледяной, размеренный голос, полный презрительного спокойствия.

— Успокойся, Максим. Ты опять все портишь своей эмоциональностью. Ты ведешь себя как подросток, а не как будущий муж женщины ее уровня.

— Но, мам.

— Никаких «но»! — ее голос зазвучал жестко, как удар хлыста. — Слушай меня внимательно. Твоя истерика — это лучшее доказательство для нее, что она права. Ты показал ей,

что ты — проблема, а не решение. Она устала, она в стрессе перед поездкой, а ты устраиваешь публичные сцены. Идиот.

Максим смолк, сжав телефон так, что треснул чехол.

— А теперь слушай план, — продолжила она, и в ее голосе снова зазвучали сладкие нотки. — Ты сейчас же едешь домой. Берешь самый большой букет тех орхидей, что она любит. Не этих дешевых, а тех, что из оранжереи на Красной Поляне. И коробку трюфелей от того шоколатье, помнишь, мы ему заказывали на Новый год?

— Но мам, это стоит, как самолет!

— Заткнись о деньгах! — взорвалась она. — Это инвестиция! Ты везешь все это к ее дому и оставляешь у двери. Никаких звонков, никаких смс. Просто оставляешь. К утру она остынет, увидит подарок и подумает, что ты не полный кретин, а просто вспыльчивый, но раскаявшийся мужчина. Она улетает завтра утром?

— Да, в восемь сорок пять.

— Идеально. Ты поставишь будильник на шесть утра и отправишь ей одно-единственное сообщение. Слушай текст и запоминай: «Эва, прости за вчерашний идиотизм. Я был не прав. Ты уезжаешь, и я понял, что не могу отпустить тебя на такое расстояние в ссоре. Эти цветы и сладости — ничто по сравнению с твоим спокойствием. Пожалуйста, просто позвони, когда приземлишься. Я буду ждать. Целую.» И все. Никаких упреков, никаких оправданий. Чистое раскаяние и забота. Понял?

Максим молча кивал, хотя она этого не видела. План звучал гениально.

— Понял, — буркнул он.

— И еще одно, — голос ее снова стал опасным. — Забудь про этого клерка. Он — никто. Пыль под ногами. Ты концентрируешься на главном призе. На Эве и на том, что она унаследует. Ты должен быть камнем, о который разобьются все ее волны, а не еще одной проблемой. Теперь действуй.

Связь прервалась. Максим выдохнул. Гнев его поутих, сменившись привычным чувством облегчения, что мать все продумала и указала путь. Он завел мотор и рванул с места, уже представляя, как завтра утром Эва прочтет его сообщение и растает. Он даже на секунду поверил в свои чувства, которые так красочно описаны в продиктованном матерью тексте.

Он не знал, что в тот самый момент, пока он мчался за дорогими орхидеями, Эва, закончив свой десерт, попросила у директора кафе бумагу и ручку. Под впечатлением от услышанной истории она спешила записать свежий, гениальный маркетинговый ход для своего нового проекта, который только что пришел ей в голову. Ход, который окончательно вытеснил из ее головы Максима и его глупые сцены.

Глава 7. Исповедь по телефону

Алла Васильевна сидела в своей маленькой, но уютной гостиной в старом питерском доме на Петроградской стороне и безуспешно пыталась сосредоточиться на вязании. Клубок путался, спицы выскальзывали из пальцев. В голове крутилось одно: завтрашняя встреча. Виктор Леонидович и Эва. Отец и дочь.

Она проработала с Виктором Соколовым больше двадцати лет. Пришла молодым юристом в его только набирающую обороты фирму и с первого дня поняла, что останется здесь

навсегда. Не из-за денег или карьеры. Из-за него. Он был ураганом, гением, одержимым своими идеями, и ей, тихой, педантичной и невероятно эффектной девушке из простой семьи, выпала честь быть его штурманом. Она научилась предугадывать его настроение, сглаживать острые углы, помнить то, что он забывал. Она стала его тенью, его правой рукой, его хранителем.

И незаметно для себя самой — безнадежно и преданно влюбилась.

Она видела, как он сходил с ума по Кате, как переживал ее потерю, как закрылся ото всех, оставив лишь ее, Аллу, единственным человеком, которому доверял. Она была рядом, когда его сразила болезнь, и именно она, а не сиделки, проводила ночи у его постели, читая ему вслух бизнес-отчеты, потому что знала — это лучшее лекарство. Она любила его молча, безропотно, как служили царям в старину — не надеясь на взаимность, а по велению сердца.

И теперь его единственная дочь, его Эвочка, выросшая в холодную, целеустремленную льдину, должна была узнать правду. Версию правды, которую сконструировал Николас Баринов. Алла Васильевна знала, что Виктор Леонидович, ослабленный болезнью и чувством вины, поверил Николасу, но не знала, какой именно договор подписали тогда два партера в больнице. Она чувствовала, что Баринов мог сотворить подлость. До конца не уверенная в своих догадках, она не сказала ни слова Виктору. Считала, что не имеет права. А теперь было уже поздно.

Нервы сдавали. Ей нужно было выговориться. И был только один человек, который мог ее понять. Странная, маловероятная подруга, связь с которой поддерживалась годами — Ольга Николаевна Левицкая.

Они познакомились лет пятнадцать назад на одном из светских приемов. Две одинокие женщины, умные, проницательные и по-своему несчастливые в любви, нашли друг в друге родственную душу. Ольга видела в Алле не служанку, а стратега, человека, обладающего ценной информацией. Алла же в Ольге находила ту самую «железную леди», которой ей самой не хватало, и восхищалась ее силой и умением добиваться своего. Их дружба была странным симбиозом, но она работала.

Алла набрала знакомый номер.

— Ольга? Прости, что поздно. — ее голос дрогнул.

— Аллочка? Что случилось? — на том конце провода голос Ольги Николаевны прозвучал бодро, но настороженно.

— Завтра она прилетает. Эва. И он... Баринов, тоже, — Алла Васильевна с трудом сдерживала слезы. — Они должны встретиться. Виктор Леонидович так ждал этого. Говорит, последняя воля Кати. А я боюсь, Оленька. Боюсь, что этот Баринов что-то задумал.

— Успокойся, дорогая, — голос Ольги зазвучал плавно и убаюкивающе. — Все идет по плану. Старые долги нужно отдавать. Виктор поступает правильно, обеспечивая будущее дочери. А этот Баринов... ну, что он может сделать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.